

Алексей Тепляков

Инфернальная карнавализация: «чёрный юмор» партизан и чекистов 1920 — 1930-х гг.

Карнавальные обрядные празднества, возникшие в древние времена, известны у многих народов, причём исследователи находят в разгульном народном веселье определённые типические черты. Один из первооткрывателей карнавальная стихии М. М. Бахтин описывает карнавал как синкретическую зрелищную форму обрядового характера, где все — активные участники, «все причащаются к карнавальному действу» и живут в нём по его законам^[1]. Карнавал — очень специфическая часть такого важного элемента цивилизации, как ритуал. Но в обычном ритуале роли распределены строго и отношение к происходящему предельно серьёзно. Карнавал же, будучи игрой в невозможное, даёт ощущение полной свободы и возможности влиять на других, нацепив нужную маску. Смеховое начало — это отражение проявления хаотического. Карнавал воплощает идущую ещё от сатурналий идею вселенского обновления, и его участники погружаются в хаос, стихия которого удерживается на грани срыва к разрушению. Карнавал сначала трансформирует мир в первоначальный хаос, в котором есть только неопределённость, а затем уничтоженный мир возрождается в игровом виде. При этом он подчеркнуто комичен, жизнь в нём становится всеобщей игрой, где исчезают придуманные людьми правила. И только когда карнавал заканчивается, люди-актёры возвращаются в настоящий мир своей повседневности.

Но история показывает, что карнавал может и не остановиться на отработанной традицией грани срыва в разрушительное действие, за которой только торжество хаоса. В обществе, теряющем устойчивость, карнавал становится одним из элементов механизма саморазрушения, разгул которого меняет реальность в сторону нарастания хаоса, подталкивая её идти «в разнос». На неизбежность присутствия хаоса в культуре говорил Ю. М. Лотман, указывая, что «всякая культура создает не только свой тип организации, но и свой тип внешней «дезорганизации»^[2]. История социальных конфликтов позволяет наблюдать, как внешняя, игровая «дезорганизация» оборачивается реальной, становясь одним из элементов саморазрушения социума.

Говоря о карнавальном мироощущении людей позднего средневековья и Ренессанса, периодически позволявшем радикально менять обстановку за счёт глумливого карнавального смеха всех над всем, некоторые исследователи, оспаривающие мнение Бахтина о том, что разрушающий догматы (в том числе положительные — А. Т.) и освобождающий от запретов смех не воздвигает костров и не содержит идеи насилия, говорят, что изначальная суть карнавала, в котором была

традиция жертвоприношения — кровь и смерть[3]. Действительно, в традиционном обществе явно присутствует карнавализация смерти. Особенная символика карнавала (переодевания, увенчания, развенчания, кощунственная насмешка над святынями) накладывалась на присутствие в городской жизни такой мрачной стороны, как регулярность публичных казней, которые также воспринимались частью карнавального действия — когда преступник (опасный разбойник или страшная ведьма, представитель высокого сословия и т. д.) становился предметом осмеяния собравшейся толпы, любовавшейся его низвержением и предсмертными мучениями.

Смертная казнь в традиционном обществе содержала в себе основные элементы театральной постановки. Эшафот играл роль сцены, казнимые, подчас десятки — актеров первого и второго плана, палач и его помощники — режиссера и ассистентов; нередко имелось и звуковое сопровождение (тревожная барабанная дробь). Толпа в сотни и тысячи человек являлась коллективным зрителем, переживала завязку, кульминацию и развязку, выражала одобрение или недовольство криками, свистом, рукоплесканиями, переживая даже некий извращённый катарсис, когда сопережитая драма не очищала и возвышала душу, а загрязняла и опускала. Незримо, а то и явно присутствовал также автор сценария, он же главный постановщик — властитель, решение которого о казни либо помиловании зачитывали вслух. Известно, что Николай I лично сочинил очень театральный сценарий расправы над петрашевцами.

В Древней Руси народный смех также «был сопряжён... с театрализацией, приводил к созданию грандиозных смеховых действий — не к простому карнавалу, а к семантическому действию, в котором, естественно, постепенно утрачивалось само смеховое начало. Он порождает даже такие апокалиптические явления, как кромешный мир опричнины. Опричнина Грозного была только порождена смеховым началом, в дальнейшем она утратила его полностью. Дело в том, что смеховой мир всегда балансирует на грани своего уничтожения... [и] становясь действительностью, неизбежно перестает быть смешным"[4].

Опричнина Грозного была сконструированным миром, обратным земщине, в котором опричники, наряжаясь монахами, предавались чревоугодию, блуду, диким расправам. И сам Грозный «с полным знанием дела разыгрывал ритуал увенчания-развенчания своих жертв», создав «уникальную монашески-скоморошескую обрядность опричников"[5]. Зверское юродство Ивана Грозного, нарочито кощунственные выходки Петра Великого, его издевательства над церковью (всепеньейшие и всешутейшие соборы) и боярами (вплоть до символической кастрации, поскольку бритьё бороды воспринималось тогда как обычай гомосексуального меньшинства), привычная до середины XVIII столетия фигура придворного шута, а также распространённая среди всех сословий традиция почитания юродивых

говорили о живучести карнавальных форм народной жизни. Свой карнавал устраивали участники крестьянских восстаний: А. С. Пушкин в «Истории Пугачева» описывал, как бунтовщики, захватившие и выжегшие Казань, «вбегали в церкви и монастыри, обдирали иконостасы... надев на себя женские платья, поповские стихари, с криком бегали по улицам, грабя и зажигая дома»[6].

В жизни русской деревни, жившей по нормам традиционного общества до начала XX в., карнавализация имела место всё время: народ по праздникам потешали вызывающие пляски и срамные песни скоморохов, а затем шёл нетрезвый разгул с переодеваниями, переменной ролей, а также пьяными ссорами и драками. Русский праздник XIX и начала XX вв. давал возможность потешиться, спеть неприличные частушки, цинично посмеяться над распутным священником, жадным «кулаком» или глупой соседкой. Но при этом в шумном веселье насилие обычно ограничивалось случайной пьяной поножовщиной или традиционными молодёжными драками «стенка на стенку»; правда, рядом существовал и известный ритуал сознательного публичного унижения — например, с раздеванием догола неверной жены и её избиением на глазах у всей деревни, описанный в рассказе М. Горького «Вывод».

Д. С. Лихачев отмечал, что «искусственное убыстрение культурного развития при Петре способствовало тому, что многие характерные черты Древней Руси сохранили свою значимость для XVIII и XIX вв., — тип смеха в их числе»[7]. Например, карнавал царил в русской деревне ещё все 1920-е годы. Очевидец так описывал разгульную масленицу 1926 г. в с. Ордынском Новосибирского округа, сопровождавшуюся целым рядом пьяных убийств: «Навстречу мне довольно медленно двигается что-то огромное, издали совершенно непонятное: торчат пучки соломы, вилы, грабли, гремит гармошка, слышно пение. Я заинтересовался и остановил лошадей, чтобы пропустить мимо себя чудовищную колесницу. Тройка лошадей впряжена в дровни, а к дровням прикреплена телега на трех колесах. К дуге тройки привязаны: метла, пук соломы и колокольчики. В дровнях стоят в вывернутых наизнанку тулупах с колпаками на голове два парня и держат в руках вилы и ухват, остальные шесть, с пьяными раскрасневшимися лицами, сидят с гармошками в руках и поют:

Коммунисты-лодыри
Всю Рассею продали,
До Сибири добрались,
С Колчаком разодрались!
На паек поставили,
Голодать заставили!
Самогоночка милая!
Ты сердешная, родная.
Ой, жги, жги — говори:

Самогонки навари!

В сломанной телеге сидят в рваных тулупах бородачи с кочергой, граблями, багром, сковородником, помелом и топором в руках. Сидят молча с искусственно свирепыми лицами, делая гримасы и принимая позы. За колесницей движется рычащая и хохочущая пьяная толпа: бабы, дети, мужики"[8].

Гражданская война в России изменила принципы веселья, потребовав настоящей крови: в привычные развлечения хлестнула подзабытая за столетия звериная жестокость. В 1917 г. произошла культурная революция, в ходе которой человек из низов, нетрезвый и кривляющийся, выскочил на арену событий. В дни Февральской революции «обычными стали такие дикие явления, как половые акты, совершаемые на глазах гогочущей толпы... <> Здесь мы имеем дело с выплеском намеренно эпатирующего поведения, заставляющего вспомнить о демонстративном похабстве юродивых или даже об оргиастических компонентах жизнедеятельности архаичных социумов"[9]. Революционный разгул черни, по мнению В. П. Булдакова, ставит вопрос о соотношении его с народной смеховой культурой и воздействием на общественную нравственность.

Особенностями карнавала эпохи Гражданской войны стал частый смех над тем, что не должно быть предметом осмеяния — мучениями людей и казнями. То, что труп врага пахнет хорошо, стало аксиомой для охлоса, радостно совершавшего несложный и освобождающий от традиционных запретов процесс расчеловечивания. Буйство коллективного бессознательного приводило к смешению таких древних ритуальных элементов, как карнавал и человеческие жертвоприношения, которые совершались когда-то участниками сатурналий в угоду языческим богам, и давно были вытеснены более безобидными обычаями. Стихийная жажда мести, а также социальной чистки от врагов, «буржуев», изменников и просто «городских» оживляет древнюю идею гекатомбы, и во имя мести, а также вполне религиозной идеи лучшего будущего, избавленного от врагов и чужаков, публично и глумливо уничтожаются многочисленные жертвы.

Карнавализация самосудов, столь характерных для российской провинции даже в XX в., охватила в 1917 г. и революционные столицы. Драматург Н. Евреинов описал увиденную им осенью 1917 г. в Петрограде сцену самосуда обывателей над мясником: «...Ему взвалили на плечи груды тухлого мяса, а на грудь привесили дощечку с надписью «Мародер» и в таком виде его, престарелого отца семейства, возили, стоя на извозчике, возили медленно как по Сенной, так и по прилегающим к ней улицам, возили на показ всем обывателям. И обыватель густо толпился, чтобы насладиться этим мрачным зрелищем ... [иные были,] судя по пристальности горящих глаз, подлинные драматические зрители, т. е. сопереживающие некое действие ради наслаждения от такого сопереживания"[10]. Разгул самосудов отмечался повсеместно.

Главным действующим лицом в сибирской деревне периода Гражданской войны стал не столько традиционный пахарь, любитель отметить церковный или языческий (как масленица) праздник обильным возлиянием и шумным весельем, сколько бывший воин с опытом обращения с оружием и желанием немедленно компенсировать тяготы службы, взять от жизни побольше удовольствий, а заодно свести счёты с соседями. В эпоху массовой партизанщины, охватившей в 1918—1922 гг. многие уезды и целые губернии Сибири и Дальнего Востока, карнавал сильно изменился, вернув самые архаичные черты и вобрав традицию жестоких крестьянских самосудов, доходивших вплоть до социального террора.

Партизанщина питалась уравнилельно-анархическими идеями, вносимыми в деревню многочисленным маргинальным элементом, особенно демобилизованными и дезертировавшими солдатами, а также агитацией большевиков, эсеров и анархистов. Также в партизанщине очевидно влияние присущих уголовным шайкам особо циничных и жестоких обычаев. Многие расправы носили публичный характер и одобрялись значительной частью сибирского населения, особенно если речь шла о мести за действия карателей при подавлении многочисленных кроваво-грабительских крестьянских восстаний. Но и садистской инициативы также было достаточно, особенно при беспощадных казнях недавно самых уважаемых людей деревни — священников и зажиточных хозяев. Революционный мир оказывался перевёрнут, в нём последние становились первыми, а лучшие оказывались втоптаны в грязь: убита императорская семья, уничтожены многие офицеры, священники, купцы, вверху же оказались люмпены из полуинтеллигенции, люмпены-крестьяне, люмпены-рабочие и, наконец, хулиганы и профессиональные уголовники. Как отмечал в начале 1920-х гг. М. Алданов, «...на низах культуры календарь... показывает семнадцатый век»^[11]. Партизанский террор шёл вслед за небывалыми по жестокости казнями Грозного и бесшабашным садизмом пугачёвцев, вырезавших тысячами население захваченных уральских заводов вместе с женщинами и детьми^[12], массово убивавших священников, смазывавших раны жиром убитого офицера и вешавших академика-астронома Г. Ловица, чтобы тот оказался ближе к своим звёздам^[13].

Частью революционной культуры стало и глумление над мёртвыми. Публичным было сожжение тела Г. Е. Распутина. Когда в апреле 1918 г. революционная толпа в Екатеринодаре издевалась над вырытым из могилы трупом Л. Г. Корнилова, за повозкой с трупом генерала двигалась «огромная шумная толпа, опьяненная диким зрелищем и озверевшая. <> К трупу подбегали отдельные лица из толпы, вскакивали на повозку, наносили удары шашкой, бросали камнями и землей, плевали в лицо. При этом воздух оглашался грубой бранью и пением хулиганских песен. Наконец, тело было привезено на городские бойни, где его сняли с повозки и, обложив соломой, стали жечь

в присутствии высших представителей большевистской власти"[14]. Через образы описанного М. М. Бахтиным материально-телесного низа пьяные партизаны-насилыники и обыватели-жертвы вовлекались в игровое посмешище: убитым горожанам Кузнецка в рот и задний проход вставлялись бутылки, трупы врагов зарывались в навоз или рядом с палой скотиной[15]. Тело расстрелянной своими же одной из руководительниц партизанской Николаевской-на-Амуре коммуны — кровожадной Н. Лебедевой — крестьянки обнажили и забросали грязью[16]. С надругательством над трупом врага подчас сочеталась сакрализация письменного слова: в октябре 1922 г. чекистская сводка сообщала, что в пос. Семеновка Крестовской волости Славгородского уезда Алтайской губернии крестьяне, «убив коммуниста, закопали его с трупом собаки, вложив в могилу записку: «коммунист и собака — одно и то же»"[17]; таким образом, данный документ разъяснял ситуацию и жителям Семёновки, и потустороннему миру.

Публичное и продолжительное глумление над врагом было обыденным зрелищем. Во время крупного Зиминского восстания 6 августа 1919 г. в с. Большая Речка Ильинской волости Барнаульского уезда были арестованы до 50 зажиточных крестьян и представителей местной интеллигенции, которых водили по селу «и на ходу били прикладами, палками, плетью, кололи штыками. Заставляли говорить: «я — враг народа», «благодарю вас, товарищи»"[18], и это продолжалось почти весь день, а затем всех увели на скотское кладбище и полуживых закопали"[19]. В конце 1919 г. сдавшуюся команду конных разведчиков 30-го Аксинского полка партизаны Н. А. Каландаришвили, прежде чем убить, водили раздетыми до белья по улицам Нижнеудинска «для общего посмеяния и издевательства»[20]. Горожан, раздетых догола, партизаны Я. И. Тряпицына по морозу водили по улицам Николаевска-на-Амуре, а затем убивали[21]. Летом 1920 г. остатки населения Николаевска-на-Амуре, угнанные тряпицынцами в тайгу, были средством передвижения для бежавших от японского наступления партизан: те, экономя силы и развлекаясь, ехали на людях[22].

О типичности постоянных публичных партизанских расправ над пленными говорит эпизод осени 1919 г. во время тяжёлого Богдатского боя в Забайкалье: «Привезли 12 пленных бурят. Озверевшая толпа тут же растерзала пленников. Был это самосуд, но никто в этот момент не поднял голоса против»[23]. В сентябре 1919 г. в алтайском с. Пещерка партизанами Г. Ф. Рогова был пленён и вырезан полный состав дружины Святого Креста: «Под настойчивым требованием многотысячного митинга крестьян, [которые] требовали снять чалпан [голову — А. Т.], чалпаны были сняты, таковой была участь крестоносцев... в составе 250 человек..."[24] То есть всем дружинникам отрубили головы на глазах огромной толпы, жаждавшей расправы. Факт публичного обезглавливания возвращает к традиционной средневековой казни, чрезвычайно наглядной, в которой видны и палаческая похвальба ловкостью рук, и желание видеть казнимого со слетающей с плеч

головой и фонтаном крови из перерубленной шеи. Аналогичные «представления» нередко устраивали и белые каратели, и участники антибольшевистских восстаний.

Часть зрелищ отличалась особенной жестокостью. Один из видных партизан Рогова Д. В. Пороховниченко в 1926 г. составил подробное описание изощрённой казни около 500 сдавшихся защитников с. Тогул в декабре 1919 г., называя судилище «страшным судом»: «Собрали в одну арестную комнату при штабе... начальство, офицерство, состав суда, контрразведку, попов и псаломщиков. Начался так называемый страшный суд, т. е. меру наказания принимали через сжигание на огне... По одному мгновению Юрчанским Сельревкомом к штабу было привезено два воза соломы, это происходило днем, среди улицы, толпа давила один другого, всякому хотелось посмотреть, в этом сказывалась беспощадная месть супостатам. Прежде чем приступить к делу, духовенство вывели из арестной комнаты на улицу, [конвоиры] садятся верхом, двое ведут [арестованных] на поводу, подают команду «на места», «шагом марш», приказывают танцевать, петь Христос Вос[к]ресе, комаринскую, заклинать анафемой партизан□

После церемониального марша развели несколько костров огня и тут трудно описать какая происходила картина по современному ужасная картина, по тому времени [выглядело] спокойно, ребяташки подтаскивали солому, бабенки, у которых мужья были уничтожены беляками, все просили дать им возможность излить последнюю месть"[25]. Расправа же с основной массой пленных была тайной: «...В эту ночь во дворе, где помещался штаб отряда зарубили 200 чел. и на другой день остальных 250–260 чел. Целые горы трупов, что бы не повлияло морально, [увезли, когда] в 4 часа ночи второго вечера из Юрчанского Ревкома было представлено 50 подвод для увозки трупов на скотское кладбище, где была вырыта общая могила, всех свалили в одну яму, залили известкой и поставили в знак памятника осиновый кол"[26].

Партизан И. Я. Огородников, описывая вышеописанный ритуальный костёр, выделял желание палачей именно «потешиться»: «Напишу... как расправлялись с пленными из церкви. Привезено было несколько [возов] соломы для того, чтобы можно было жарить их... Построен был строй [партизан] в две шеренги просто как бульвар□ ...Подсудимого сразу проводят через этот фронт. Все вооружены нагайками, [пленник] до конца дойдет чуть чуть живой и гонят в огонь. ...Так пропускали по порядку... здесь не приходилось ждать очереди, всем хотелось потешиться над противником. <> Тут видно всем было нужно поучаствовать"[27]. Подобные массовые казни нередко совершались под одобрительные крики тысячной крестьянской толпы, требовавшей кровавой мести к побеждённым белым, ненавистных за попытки наведения порядка жестокими мерами.

Оргия среди трупов, сопровождавшаяся массовыми изнасилованиями и грабежами, произошла в захваченном роговцами

Кузнецке в декабре 1919 г., когда пьяные убийцы, уничтожив до 800 жителей, веселились у костров, горланя циничные частушки вроде:

Попадью застрелил Ваня,
Бело платье на меня.
Я иду собой люблюсь,
Всё равно как попадья[28].

Кровавый праздник учинили роговцы и в с. Кольчугино (ныне г. Ленинск-Кузнецкий), и на близлежащем руднике: «без суда перебили торговцев, милиционеров, служащих рудника, убили много других□ На площади и на улицах валялись трупы, роговцы не разрешали их убирать. ...Первым делом подожгли церковь, она пылала весь день. Попа остригли, раздели и на улице всенародно казнили... Ризами покрыли лошадей. Сами нарядились в духовные облачения и, горланя песни, разъезжали по селу и руднику. Они врывались к служащим, крестьянам, рабочим, забирали у них шубы, валенки, часы, одежду, одеяла, подушки и другие вещи... Протестовавших убивали"[29].

В Гражданскую войну глумление над привычными ценностями разрастается, кощунство торжествует, так что церковные ризы превращаются в партизанские штаны и кисеты, причём и старики, воспитанные в уважении к религии, охотно шьют себе подобные изделия[30]. Современный мир представлялся повстанцам дьявольским наваждением, который следует обескровить, уничтожить, испепелить, не щадя ни старых, ни малых. Убийства детей, женщин, священников, гнуснейшие пытки над ними выглядели как логичное опровержение ещё недавно прочных моральных запретов. Страшное шутовство, обязательный чёрный юмор являлись также и способом психической защиты от невероятных перегрузок войны всех против всех.

Так разыгрывался насыщенный кровью карнавал, вышедший из берегов и пытавшийся полностью заменить жизнь, поскольку мужицкое царство, без власти городских начальников, без авторитета церкви, интеллигенции и зажиточных деревенских хозяев, и должно было так выглядеть: бесконечной гульбой, где потехе время, а войне час, когда партизаны-роговцы из отряда М. З. Белокобыльского, проведя день в пьяном разгуле, затем толпой идут стрелять по осаждённой Тогульской церкви, превращённой белыми в крепость, а потом расходятся и возвращаются к прерванному веселью: «Интересно было то, что с утра гуляем, пляска, песни, а к вечеру будь готов к наступлению..."[31] Отряд Белокобыльского после окончания боевых действий зимой и весной 1920 г. перемещался от села к селу, сочетая веселье с убийствами: «Занятие было одно. Гуляли, добивали оставшееся духовенство..."[32]

Смертоносный карнавал не закончился с партизанщиной, его кровавую традицию подхватили и развили чекисты — десятки тысяч опричников, имевших огромные возможности и для постоянных развенчаний сильных мира сего, и для организации садистских зрелищ, в которых участвовали многочисленные сотрудники ВЧК-НКВД.

В чекистском жаргоне казнь цинично именовалась «свадьбой», т. е. венчанием жертв со смертью. Чекисты избегали публичности при расправах, за исключением многих эпизодов Гражданской войны, но сами казни нередко собирали большие группы исполнителей, особенно в периоды обострения террора. Также можно наблюдать расширение круга посвящённых в тайну, например, казней знаменитостей за счёт пьяного хвастовства: глава военной коллегии Верховного Суда СССР В. В. Ульрих рассказывал, как маршал Тухачевский при расстреле отказался подставить затылок и принял пулю в лоб[33].

Чекисты разнообразили свою кровавую работу целым рядом ритуалов. Например, для заглушения криков избиваемых, проникавших даже через тюремные стены, и восточносибирские, и ашхабадские чекисты могли играть на гармонике или распевать хором[34]. Очень рано у чекистов возник обычай почти обязательного предсмертного избияния расстреливаемых, в котором участвовали целые группы исполнителей и руководителей, почти всегда пьяных. Частью чекистского «театра» становились и эпизоды принуждения смертников к публичным половым актам, известные что для Украины, что для Сибири. Л. Т. Якушев, работая с октября 1937 г. по февраль 1938 г. начальником УНКВД по Житомирской области, лично принимал участие в избиянии заключённых, приговорённых к расстрелу, а также в сожжении 11 заключённых. По его приказу осуждённые сами копали себе могилы, причём по 200–250 связанных людей ставили в очередь и расстреливали на глазах других заключённых. Начальник внутренней тюрьмы и комендант УНКВД по Житомирской области в конце января 1938 г. «принуждали осужденного старика-инвалида □ совершить половой акт с расстрелянной женщиной, лежащей среди трупов расстрелянных, обещая за это его освободить. Во время исполнения стариком [данного] требования... его застрелили на трупе этой женщины"[35]. Сотрудники Куйбышевского оперсектора УНКВД по Новосибирской области (причём не только трое расстрелянных в 1940 г. чекистов, но и оставшиеся безнаказанными милиционеры) в 1938 г. заставили совершать в своём присутствии половой акт осуждённую учительницу и осуждённого мужчину, обещая за это помиловать. Сразу после окончания «представления» несчастные были задушены[36].

Запредельная жестокость при массовых казнях сопровождалась и некими сопутствующими «полезностями», как, например, «допросом на яме» упорного арестованного, отказывавшегося давать показания. Таким термином чекисты НКВД Туркменской ССР называли присутствие не сознававшегося арестанта при массовом расстреле, утверждая, что не было случая, когда после такого «спектакля» для одного зрителя обвиняемый не подписал бы требуемых показаний[37]. Подобные зрелища, устраиваемые для самих жертв, могли вызываться и мезьью, идущей с самого верха: так, Сталин (либо Н. И. Ежов) велел при расстреле 15 марта 1938 г. 18 осуждённых по делу «правотроцкистского

блока» отделить Н. И. Бухарина и Г. Г. Ягоду, и расстреляв их в последнюю очередь, заставить наблюдать казнь подельников[38]. При этом исследователям известна лишь небольшая часть чекистских «развлечений» над осуждёнными, многие из которых явно были отражением инфернальной карнавализации. Вместе с тем чекистский карнавал для своих воплощался в грубых шутовских формах, как в 1920-х — начале 1930-х гг. на даче известного руководителя ОГПУ Г. И. Бокия, где его подчинённые, объединённые в особую «Дачную коммуны», предавались пьяным оргиям, во время которых, в частности, имитировали похороны заживо и служили пародийные «обедни», облачаясь в церковные одеяния, специально привезённые из Соловков[39].

Чекистское сообщество, тесно связанное в первом поколении с красной партизанщиной, надёжно закрепило практику крестьянских самосудов и через трибуналы и открытые процессы (с издевательским отношением судей к элементарным правовым процедурам, осмеянием и поношением подсудимых), и через кроваво-глумливые казни, учась ненавидеть врага, который должен был и своей мучительной смертью тешить до самого конца месть победителей. Садистское веселье выступало элементом как инициации чекистской молодёжи, так и сплочения исполнителей круговой кровавой порукой.

Глумливый революционный юмор очень скоро «подверг сомнению властное начало как принцип», последствия чего оказались ощутимыми настолько, что восстанавливать гражданскую дисциплину после революций 1917 г. властям приходилось «путём реанимации первобытных страхов, вызывавших социальное оцепенение"[40]. Но чекистский мир, подобно опричному войску Грозного, сохранил монополию на страшный смех, возведя в традицию обычай издеваться над арестованными и осуждёнными к смерти, превращая зрелище пыток и казней в театр.

Таким образом, карнавализация, характерная для традиционного общества, в период его трансформации в более современные формы, ширится и видоизменяется, отражая искажение ценностных приоритетов. В карнавальном глумлении теперь нередок оттенок чёрного юмора, оно приобретает особо циничный, зверский характер, воплощая основную идею периода Гражданской войны — идею насилия. И карнавал, в котором роли обычно распределяются по взаимному согласию, обретает черты инфернальной пляски смерти. Тот карнавал, который всегда был травестированием реальности в смеховую часть, представлявший мир как игру, становится заметной частью коллективного бессознательного, когда толпа не останавливается и превращает оргию убийств в жуткий праздник мести, опрокидывая прежние ценности, унижая лучших и возвышая ничтожных. Так карнавал, ранее комично уничтожавший на короткое время привычный мир грубым смехом, в своём развитии в течение первой половины российского XX века становится частью кровавой партизанской повседневности, а затем

прячется в закрытом от посторонних глаз мире спецслужб. В послесталинский период элементы «чёрного карнавала» сохраняются в местах заключения и армии, где до настоящего времени воспроизводятся самые архаичные модели социального поведения[41].

Литература

Аверинцев С. С. Бахтин, смех, христианская культура // М. М. Бахтин: Pro et Contra. Личность и творчество М. М. Бахтина в оценке русской и мировой гуманитарной мысли. Антология. Том 1. — СПб.: РХГА, 2001. — 552 с.

Алданов М. А. Огонь и дым. — Париж: Франко-русская печать, 1922. — 192 с.

Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. — М.: Советский писатель, 1963. — 362 с.

Бобринев В. А., Рязанцев В. Б. Палачи и жертвы. — М.: Воениздат, 1993. — 379 с.

Булдаков В. П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. — М.: РОССПЭН, 2010. — 967 с.

Геласимова А. Н. Записки подпольщицы. — М.: Мысль, 1967. — 304 с.

Гутман А. Я. (Анатолий Ган) Гибель Николаевска на Амуре. Страницы из истории войны на Дальнем Востоке. — Берлин: Русский экономист, 1924. — 298 с.

Евреинов Н. Театр и эшафот // Мнемозина: Документы и факты из истории русского театра XX века. [Вып. 1] /Сост. и общ. ред. В. В. Иванов. — М.: Гитис, 1996. — 287 с.

История сталинского Гулага. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7 томах. Т. 1. Массовые репрессии в СССР. — М.: РОССПЭН, 2004. — 728 с.

Кашинцев Д. Горнозаводская промышленность Урала и крестьянская война 1773–1774 годов // Историк-марксист. 1936. Кн. 1. — С. 133–185.

Клейн Л. С. Трудно быть Клейном: Автобиография в монологах и диалогах. — СПб.: Нестор-История, 2010. — 730 с.

Кокоулин В.Г. Сибирские партизаны и религия // История «белой» Сибири. — Кемерово, 2009. Вып. 8. С. 163–168.

Красный террор в годы гражданской войны: По материалам Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков / Ред.-сост. Фельштинский Ю. Г. — London: Overseas Publications Interchange Ltd (OPI), 1992. — 432 с.

Лесовик С. Курунзулай восстал // Партизаны. — Чита, 1929. — С. 46–49.

Лин З. Красные ужасы // Алтайский вестник. 1919. N 163. 7 сент. — С. 2.

Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В. Смеховой мир Древней Руси. — Л.: Наука, 1984. — 295 с.

Лотман Ю. М. Семиосфера. — СПб.: Искусство-СПб, 2000. — 704 с.

Петров Н. В. Палачи: Они выполняли заказы Сталина. — М.: Новая газета, 2011. — 320 с.

Пучков Ф. А. 8-я Камская стрелковая дивизия в Сибирском ледяном походе // Вестник первоходника. Май 1965 — январь 1966. N 44–52.

Пушкин А. С. История Пугачева // Полное собрание сочинений в 10-ти томах. — Л.: Наука, 1978. Т. VIII. — 416 с.

Тепляков А. Г. Процедура: исполнение смертных приговоров в 1920 — 1930-х годах. — М.: АИРО-XXI, 2007. — 288 с.

Тизенгаузен Д. О. Современные крестьянские праздники. Карнавал в деревне. Публ. С. А. Папкина // Голоса Сибири. Вып. 2. — Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. — С. 452–484.

Фефилов П. Л. Что мы знаем о Якове Тряпицыне и тряпицынщине // Хлебниковские чтения. Гражданская война на Дальнем Востоке. Образ Тряпицына в романе Г. Н. Хлебникова «Амурская трагедия». Альманах. Вып. 1. — Комсомольск-на-Амуре: Агора, 2010. — 138 с.

Шаповал Ю. І. Україна в добу «великого терору»: етапи, особливості, наслідки. «Єжовщина» починається // 3 архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. 2007. N 1 (28). — С. 76–100.

[1] Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. — М.: Советский писатель, 1963. С. 163.

[2] Лотман Ю. М. Семиосфера. — СПб.: Искусство-СПб, 2000. С. 267.

[3] Аверинцев С. С. Бахтин, смех, христианская культура // М. М. Бахтин: Pro et Contra. Личность и творчество М. М. Бахтина в оценке русской и мировой гуманитарной мысли. Антология. Том 1. — СПб.: РХГА, 2001. С. 477.

[4] Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В. Смеховой мир Древней Руси. — Л.: Наука, 1984. С. 38.

[5] Аверинцев С. С. Бахтин, смех, христианская культура... С. 478.

[6] Пушкин А. С. История Пугачева // Полное собрание сочинений в 10-ти томах. — Л.: Наука, 1978. Т. VIII. Гл. 7.

[7] Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В. Смеховой мир Древней Руси □ С. 57.

[8] Тизенгаузен Д. О. Современные крестьянские праздники. Карнавал в деревне. Публ. С. А. Папкина // Голоса Сибири. Вып. 2. — Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. С. 470.

[9] Булдаков В. П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. — М.: РОССПЭН, 2010. С. 129.

[10] Евреинов Н. Театр и эшафот // Мнемозина: Документы и факты из истории русского театра XX века. [Вып. 1] /Сост. и общ. ред. В. В. Иванов. — М.: ГИТИС, 1996. С. 21.

[11] Алданов М.А. Огонь и дым. — Париж: Франко-русская печать, 1922. С. 53.

[12] Кашинцев Д. Горнозаводская промышленность Урала и крестьянская война 1773–1774 годов // Историк-марксист. 1936. N 1. С. 142–163.

[13] Пушкин А. С. История Пугачева // Полное собрание сочинений в 10-ти томах. — Л.: Наука, 1978. Т. VIII. Гл. 7, 8.

[14] Красный террор в годы гражданской войны: По материалам Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков / Ред.-сост. Фельштинский Ю. Г. — London: Overseas Publications Interchange Ltd (OPI), 1992. С. 204–207.

[15] Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1166. Л. 3.

[16] Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. 715-н. Оп. 1. Д. 2. Л. 39–41.
URL:<http://old.amur.info/forum/viewtopic.php?id=18771&p=3>

[17] Центральный архив (ЦА) ФСБ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 626. Л. 199.

[18] Здесь характерно применение советской лексики, заимствованной повстанцами от красных агитаторов.

[19] Лин З. Красные ужасы // Алтайский вестник. 1919. N 163. 7 сент. С. 3.

[20] Пучков Ф. А. 8-я Камская стрелковая дивизия в Сибирском ледяном походе // Вестник первопоходника. Май 1965 — январь 1966. N 44–52. URL: <http://www.dk1868.ru/history/puchkov.htm#z116>

[21] Гутман А. Я. (Анатолий Ган) Гибель Николаевска на Амуре. Страницы из истории войны на Дальнем Востоке. — Берлин: Русский экономист, 1924. С. 110.

[22] Фефилов П. Л. Что мы знаем о Якове Тряпицыне и тряпицынщине // Хлебниковские чтения. Гражданская война на Дальнем Востоке. Образ Тряпицына в романе Г. Н. Хлебникова «Амурская трагедия». Вып. 1. — Комсомольск-на-Амуре: Агора, 2010. С. 84.

[23] Лесовик С. Курунзулай восстал // Партизаны. Чита, 1929. С. 48.

[24] ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1162. Л. 31; Д. 1166. Л. 61–62.

[25] ГАНО. Ф. П-5. Оп. 4. Д. 1586. Л. 6; **Кокоулин В. Г.** Сибирские партизаны и религия // История «белой» Сибири. — Кемерово, 2009. Вып. 8. С. 166.

[26] ГАНО. Ф. П-5. Оп. 4. Д. 1586. Л. 6–7.

[27] ГАНО. Ф. П-5. Оп. 6. Д. 316. Л. 33–34.

[28] ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1166. Л. 3.

[29] Геласимова А. Н. Записки подпольщицы. — М.: Мысль, 1967. С 256.

[30] ГАНО. Ф. П-5. Оп. 4. Д. 1586. Л. 3.

[31] ГАНО. Ф. П-5. Оп. 4. Д. 1586. Л. 3 об.

[32] ГАНО. Ф. П-5. Оп. 4. Д. 1586. Л. 7.

[33] Петров Н. В. Палачи: Они выполняли заказы Сталина. — М.: Новая газета, 2011. С. 220.

[34] Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 374. Оп. 27. Д. 1976. Л. 190; История сталинского Гулага. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7 томах. Т. 1. Массовые репрессии в СССР. — М.: РОССПЭН, 2004. С. 343, 344.

[35] Шаповал Ю. І. Україна в добу «великого терору»: етапи, особливості, наслідки. «Єжовщина» починається // 3 архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. 2007. N 1. С. 99.

[36] Тепляков А. Г. Процедура: исполнение смертных приговоров в 1920 — 1930-х годах. — М.: Возвращение, 2007. С. 75.

[37] История сталинского Гулага. Т. 1. Массовые репрессии в СССР □ С. 342.

[38] Петров Н. В. Палачи: Они выполняли заказы Сталина... С. 199.

[39] Бобринев В. А., Рязанцев В. Б. Палачи и жертвы. — М.: Воениздат, 1993. С. 364–366.

[40] Булдаков В. П. Красная смута □ С. 130.

[41] См.: Клейн Л. С. Трудно быть Клейном: Автобиография в монологах и диалогах. — СПб.: Нестор-История, 2010. С. 395.

Впервые опубликовано в «Идеи и идеалы». N 3 (17). Т. 1. 2013. С. 105–116.

<http://rusk.ru/st.php?idar=63438>